

Северный огонёк

Выпуск №9 от 20 июня 2021 года

(Газета сургутского литературного объединения «Северный огонёк». Основана 01.03.2020 года.)

СОДЕРЖАНИЕ

с.1 - Вступление; с.1 – Евгений Максимов – очерк «О Пушкине и «его памятнике»»; с.5 – Сергей Мельников – рассказ «Пережат»; с.6 – «Северный огонёк» в творчестве; с.8 – Знаменитости июня;

ВСТУПЛЕНИЕ

Здравствуйте, уважаемые дамы и господа! На дворе июнь 2021 года. Начало лета в этом году в Сургуте отличается сильным непостоянством – то солнце, то ветер, то дождь, то температура возрастает до плюс 30 градусов Целься, заставляя сходить с ума от жары, то падает до плюс 6. Но лето все-таки идет. И поэтому в данном выпуске газеты мы будем говорить о лете. А одними из главных замечательных событий июня являются 6 июня День Рождения Александра Сергеевича Пушкина и 30 июня День Рождения Наиры Симонян – прекрасной представительницы «Северного огонька» и союзов писателей России, Армении, Грузии. Поздравлять с Днем Рождения до Дня Рождения не является у нас хорошей традицией, поэтому Наиру в данном выпуске газеты поздравлять не будем, всему свое время. А об Александре Сергеевиче Пушкине мы поговорим обязательно.

О ПУШКИНЕ И «ЕГО ПАМЯТНИКЕ»

06.06.2021. (222 года со дня рождения поэта)

Автору крылатой фразы о Пушкине: «Пушкин – наше всё», поэту и литературному критику Аполлону Григорьеву также принадлежат слова: «Ничего не боялся я столько, как жить в городе без истории, преданий и памятников».

Думаю, с ними необходимо согласиться. Иначе, жизнь сосредоточится только в потреблении материальных благ. Сегодня, в условиях дефицита культуры каждому городу необходимо сохранять свою историю, свои предания, иметь и ценить свои исторические памятники, в том числе памятники природы. Памятники, связанные не только с местной историей, но и историей всего государства, Родины, России в целом.

Отрадно, что такие памятники есть в нашем городе. Среди них памятник А.С. Пушкину.

*Когда-то, волей трёх персон
Возник он, как волшебный сон.
Как «памятник нерукотворный»
Его воздвиг как наставленье нам
Огонь той лиры, труд упорный, –
Великого Искусства храм.*

Зададимся вопросом: а есть ли ещё в других городах ХМАО-Югры памятник великому поэту? Вероятно, есть. Как вероятно и то, что памятник Пушкину в Сургуте установлен первым среди других на территории округа.

Изготовленный из полированного красного гранита и бронзы, он был создан в Санкт-Петербурге по проекту архитекторов: Соколова и Михайлова, а также скульптора А.Г. Дёма.

Конечно, были и другие люди, принявшие участие в его создании, а также те, кто сыграл роль в его появлении у нас в городе. Были и те, кто вёл переговоры, работал с документацией для его последующей перевозки в Сургут, кто планировал место установки, оценивал готовность к открытию и так далее.

Таким образом, памятник, уже сам по себе, на сегодняшний день имеет свою историю существования. В октябре 2021 г. исполнится двадцать лет со дня его установки, в феврале 2022 г. – двадцать лет со дня присвоения Центральной библиотеке г. Сургута имени А.С. Пушкина. Об этом и о людях, непосредственно связанных с историей памятника, ещё не раз будет сказано и написано. Здесь, в общем, пойдёт речь о другом.

Памятник Пушкину в Сургуте, установленный у здания библиотеки, дорогого стоит и ко многому обязывает. В первую очередь – он стоит ответственности и чести его создателей. Ещё: ответственности и чести тех, кто прямо и косвенно связан с культурным развитием нашего города, кто был причастен к его появлению. Ответственности и чести тех, кто относит себя к «пишущей братии», позвольте мне, сказать именно так. Ведь тот, кто пишет, на самом деле, не одинок в своём труде. Думаю, здесь вполне уместно сравнение с водой, родником, рекой... Как известно, все реки, так или иначе, впадают в море или океан. Так и потоки Слова отдельно взятых авторов неуклонно соединяются в веках в

длительном эволюционном процессе литературного развития. Поэтому, пишущие – и есть «братия», ВЕЛИКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ БРАТСТВО, и, каждая – представляя своё время, свою эпоху, вместе с тем, продолжает нести богатое наследие своих предшественников.

И пусть, как писал Тютчев, «нам не дано предугадать, как Слово наше отзовётся», Слово и кропотливый труд работы над ним не могут быть абсолютно зависимыми от читательского вкуса, ибо у Искусства [1] и его смыслов вообще, – есть более высокая, главная цель, ради которой писатель и поэт призван: возвышать человека и его душу. /Здесь и далее в тексте курсив, подчёркивание, выделенный шрифт сделаны мной – Е.М./ Возвышать, поднимать человека не над другими людьми, а над самим собой.

Художественное Слово с наибольшей полнотой, с максимальными красками помогает отобразить видение мира настоящего, передать его будущему. Говоря словами историка литературы Д.С. Лихачёва, «литературное произведение распространяется за пределы текста». При этом, литература не только генерирует и передаёт идеи, она и формирует, она и развивает. Она не поддается какой-либо одной абсолютно верной истине, единственной аксиоме. Она не может быть стиснута узкими рамками. От настоящего она всегда устремлена к будущему.

В таком – широком, временном пространстве культуры, я понимаю замысел памятника Пушкину в Сургуте. Как отмечалось, 24 октября 2021 года памятнику исполнится двадцать лет со дня торжественного открытия у здания Центральной городской библиотеки. 18 февраля 2022 года она отметит двадцатилетие присвоения имени А.С. Пушкина. Торжества – не за горами. И к Пушкину мы ещё не раз вернёмся. Не раз соберутся здесь городские руководители, общественность и творческая интеллигенция. Не раз молодые люди назначат у его подножия свои романтические свидания. Не раз подъедут сюда свадебные кортежи.

Кого только не было здесь за всё это время, прошедшее с момента установки. Масса горожан, от мала до велика, а также гостей Сургута проходят возле Пушкина ежедневно. Многие останавливаются. Смотрят на него. Размышляют. Задумываются о вечном.

6 июня – в день рождения поэта, который также отмечается в нашей стране, как День русского языка, вокруг Пушкина всегда многолюдно. В условленный час его окружает творческая интеллигенция и её союзники. Возлагают цветы к памятнику. Делают фото. Говорят о Пушкине, читают его стихи, читают свои или чужие стихи о Пушкине. В течение всего дня Центральная библиотека проводит большой цикл тематических мероприятий. Помимо ценных, книжных фолиантов, посвящённых творчеству А.С. Пушкина, в ней есть отдельный пушкинский зал, где регулярно проводятся различные выставки и презентации. Таким образом, благодаря этим мероприятиям и неравнодушию людей, создаётся важная, жизненно необходимая для города культурная атмосфера. Ей город живёт, очищая душу от суеты повседневности.

Среди побывавших у Пушкина людей мне хотелось бы вспомнить имена отдельных представителей литературного братства нашего края, которых более нет сейчас, но память о них жива, как память о великом классике. Это – сургутские и окружные писатели, поэты, журналисты и краеведы – Олег Рихтер, Иван Захаров, Лилия Цареградская, Валерий Матвеев, Пётр Суханов, Георгий Ешимов, Михаил Антохин, Леонид Гайкевич, Егор Елистратов... Привожу лишь небольшой, далеко не полный список из тех, кто в разное время, так или иначе, был связан с общественной жизнью нашего города и литобъединения «Северный огонёк».

Этих людей нет среди нас только в материальном, физическом плане. Однако, живым и нетленным остался художественный, творческий дух их произведений. Осеняемый гением Пушкина. Устремлённый в будущее... [2].

Моё осознание ценности памятника А.С. Пушкину в Сургуте и того, что произошло вокруг него в разное время, находит опору в словах Аполлона Григорьева: «Пушкин – наше всё» [3], поэтому, считаю, что это памятник не только Поэту, но и Человеку вообще. Всем нам. Всем тем, кто стремится быть лучше, кто видит главной опорой своей – мир духовный, мир наших традиций, сохранившихся в языке и отечественной культуре. Кто стремится возрастая развитием души.

Вероятно, эту мысль вкладывал Н.В. Гоголь в свой очерк о Пушкине:

«Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Далее Гоголь добавляет: «Он при самом начале своём уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

Итак, по Гоголю, Пушкин – это «русский человек в его развитии». Другими словами, Пушкин – это русский человек будущего и мне хочется верить, что такой человек уже появился или скоро появится. Этот Человек – все мы с вами и наше собственное саморазвитие. И наше – коллективное «бессознательное».

Отсюда вполне объяснимыми являются слова А.С. Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Самое интересное, что это не его оригинальная фраза. Она взята им из оды древнеримского поэта Горация (65 – 8 гг. до н.э.; книга III, ода XXX). К его творчеству Пушкин обращался неоднократно. «Я воздвиг памятник», пишет Гораций. Пушкин использовал эти слова как эпиграф, включил в первую строку своего стихотворения и развернул их смысл по всему пространству своего текста [4].

Подчеркну, Гораций и Пушкин писали не буквально о памятнике самим себе. Вдумаемся в эти слова: «памятник нерукотворный...!» Гений их развился не для того. Не для славы брэнной. Как пишет Лариса Черкашина (автор статьи о памятнике Пушкину в Москве), «при жизни Пушкин вовсе не мечтал быть увековеченным в мраморе и бронзе.

Напротив, отказывался от лестных предложений именитых ваятелей». В одном из его писем жене читаем: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу».

На мой взгляд, в первых строках своего стихотворения: «*Я памятник себе воздвиг нерукотворный*», (то есть, по сути – памятник народный, государственный, памятник народу и всему государству, памятник Духу), А.С. Пушкин – как духовный труженик, доносит мысль о потенциале и возможностях человека, о его способностях возрастать своим внутренним «Я», своим сознанием. В конечном счёте – сумеет прийти к тому, чтобы этим возвысить свой дух, преодолеть самого себя: свой эгоизм, свою индивидуальность. А это, в свою очередь поможет стать полноценной частью многонационального народа и той земли, на которой живёшь, на которой трудишься, вместив всё это, имеющееся вокруг нас богатство, в свой внутренний, творческий мир.

Поэтому далее следует строка:

К нему не зарастёт народная тропа,

Пушкин задаёт себе и всем остальным высокую морально-нравственную планку, к которой следует безусловно стремиться.

Затем через несколько строк мы находим:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,

И назовёт меня всяк сущий в ней язык.

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус, и друг степей калмык.

Пушкин надеется, что народ воспримет его духовный посыл, поймёт его: как пишет поэт, «*и назовёт меня всяк сущий в ней язык*». Здесь мысль о необходимости соотносить себя со всей страной, со всеми населяющими её народами и их исторической жизнью.

Также в стихотворении читаем:

И славен буду я, доколь в подлунном мире,

Жив будет хоть один пиит.

В этих строках, Пушкин не о личной славе. Не о тщеславии, а о творческом братстве и единении. Здесь надежда на продолжение литературных традиций. Таким образом, Гораций и Пушкин писали не о личной памяти буквально, а о памяти культуры, памяти Слова, памяти своей страны.

В последней строфе стихотворения Пушкин даёт своеобразный духовный завет писателю:

Веленью божию, о муза, будь послушна,

Обиды не страшась, не требуя венца;

Хвалу и клевету приемли равнодушно

И не оспоривай глупца.

Не та ли Муза, возвышается и парит над поэтом, памятник которому мы видим перед собой..? Муза, послушная не личной воле автора, а «веленью божьему». Не олицетворяет ли она весь народ? По замыслу создателей, она осеняет его венцом, наполняет звуками своей вдохновенной трубы. Значит, Муза поэта здесь также – «памятник нерукотворный», воплощающий дух.

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Художник подчёркивает своё предназначение, а с ним передаёт свою веру и убеждённость в характер, духовную силу и потенциал многонационального народа России. А коль есть вера, значит, есть и надежда. Значит, есть и любовь...

Гений А.С. Пушкина, кроме Гоголя остро чувствовал Ф.М. Достоевский. В начале июня 1880 года он находился в Москве, где принял участие в торжествах при открытии памятника Пушкину по проекту скульптора А.М. Опекушина.

8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности Достоевский выступил с речью о творческом наследии поэта. Писатель подошёл к его осмыслению историсофски. В заключительной части своего выступления он отметил перспективы, огромные культурные возможности и значение Пушкина не только для России, но и для всего мира.

Он сказал тогда:

«Я говорю... о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, художественном гении Пушкина. (...) Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные [*то есть, прожив более, Пушкин сумел бы это донести своим творчеством – Е.М.*] нашим европейским братьям, привлёк бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь,.. перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь ещё смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою... некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

В заключении отмечу следующее.

Сегодня многие исследователи творчества поэта, поэты и ценители русского слова сходятся во мнении, что, несмотря на свою короткую жизнь, Пушкин многое успел донести текстами своих удивительно талантливых, гениальных по мастерству воплощения и глубине содержания стихов.

Немало авторов посвятили Пушкину свои строки. Из поэтов нашего края подчеркну творчество сургутского поэта Михаила Кузьмича Антохина (1943-2019), перу которого принадлежит сборник «О Пушкине – стихом» (1999), вышедший к 200-летию со дня рождения великого классика.

В стихотворении «Мастер» М.К. Антохин пишет о Пушкине, как о том, кто всегда открыт для всех и воплощает духа «памятник нерукотворный»:

*Он собирал слова,
Как собирают камни.
И чудный храм воздвиг,
И настежь – двери, ставни.*

Авторский комментарий:

1. Здесь об Искусстве я пишу на примере тех её видов, в основе которых лежит устное и письменное Слово: например, литература, музыка, образование, наука. Также сюда могут относиться многие другие направления культуры и творчества.
2. В этой связи из указанных авторов особенно выделю сборник М.К. Антохина «О Пушкине – стихом» (1999). Посвящённый Пушкину, он написан и о настоящем времени, и устремлён в будущее. Эпиграфом сборника взяты пушкинские строки: «Хоть убей, следа не видно; Сбились мы. Что делать нам!». От себя автор добавляет финальные строки из своего стихотворения «Юбилейное»: «В изгаженное наше время, – Единственный в окошке Свет». *См. также ниже библиографию.*
3. Также один из известных пушкинистов А. Битов сказал: «Мы живём в облаке Пушкина».
4. Иногда оно публикуется под названием «Памятник». Здесь и далее это стихотворение приводится по изданию: Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худ. лит., 1985. – с. 586.

Общая библиография:

1. Антохин М.К. О Пушкине – стихом: [стихотворения]. – Сургут: [б. и.], 1999. – 49 с. Электронн. ресурс: http://elib.slib.ru/docs/poet_prose/antohin-o-pushkine-stihom-1999.pdf
Среди стихотворений, вызвавших моё внимание, отмечу такие, как: «Юбилейное», (с. 4), «Стезя» (с. 7 – 8), «Мастер» (с. 5).
2. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Он же. Полное собрание сочинений и писем в 23 т. – Т. 1. / Отв. ред. тома С.Г. Бочаров. – М.: Наука, 2009. – с. 90 – 96.
Важно отметить, что Н.В. Гоголь завершил работу над очерком в 1832 г, когда Пушкин был уже зрелым поэтом. Впервые заметка Гоголя была опубликована ещё при жизни Пушкина, в начале 1835 года, в сборнике «Арабески». Оба писателя были знакомы друг с другом, вели переписку.
3. Достоевский Ф.М. Пушкин. Очерк. Произнесено 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей росс. словесности // Почему должно изучать Пушкина: Сборник. – М.: Книж. Клуб Книговек, 2014. – с. 91 – 108.
4. Лихачёв Д.С. О конкретном литературоведении. Вместо предисловия // Он же. От мысли к слову. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – с. 3 – 13.
5. Памятные места Сургута: каталог / Сост. Ю.А. Беркут. – Сургут.: «ООО Спектр Лайф», 2012. – 86 с. На мой взгляд, данное издание имеет большую историческую ценность для всех краеведов и любителей истории. На его страницах размещена достаточно подробная информация о сургутских памятниках, установленных в разное время: от памятников и скульптур до мемориальных досок, мозаичных панно и памятников археологии.
О памятнике А.С. Пушкину, см.: Указ. соч. с. 13. Общая высота композиции – 6 метров. Место нахождения: г. Сургут, ул. Республики, 78/1 (у здания Центральной городской библиотеки). Дата открытия – 23 октября 2001 года.
6. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худ. лит., 1985. – 735 с.
7. Скатов Н.Н. Сочинения в 4-х т. Т. 1. Пушкин. Русский гений. – СПб.: «Наука», 2001. – 720 с. Данная книга – итог многолетнего изучения жизни и творчества А.С. Пушкина. Применительно к содержанию своего очерка хотел бы обратить внимание на характеристику, данную им в отношении известного стихотворения А.С. Пушкина 1825 года – «К*** («Я помню чудное мгновенье...»). В произведении, обращённом к Анне Керн, есть слова, ставшие с давних пор нарицательными: как символ любви к женщине, идеал женского обаяния, («гений чистой красоты»). Н.Н. Скатов трактует их много шире, чем принято считать. Исследователь пишет: «Гений чистой красоты» в поэзии Пушкина сопровождает пробуждение духа во всей полноте, где «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь». Он воплотил принцип, который Жуковский... только провозгласил: «Жизнь и поэзия одно». По мнению автора, «у Пушкина само явление «гения чистой красоты» и соответственно приятие его возможно лишь в счастливый момент пробуждения духа и подъёма

души: «Душе настало пробужденье, И вот опять явилась ты...» – не наоборот». (См. подробнее: Скатов Н.Н. Указ. соч. с. 449).

8. Черкашина Л. Eхеgі monumentum («Я воздвиг памятник», лат.) // Наука и жизнь. – 2019. – № 6. – с. 2 – 11.

Евгений Максимов

ПЕРЕКАТ

(Сергей Мельников. Рассказ)

Гуляя как-то по лесу, я нечаянно набрёл небольшую полянку, поросшую мятой. Это был рай для любителей нектара, где золотистые пчёлы, деловито жужжа, копошились между венчиками лилово-фиолетовых мелких цветков. Грузные бархатные шмели, натужно гудели, перелетая с одного стебля на другой, тяжело плюхались на зелёные зубчатые листочки.

И воздух в этом месте был какой-то особый, пряный, прохладный, хотя солнце палило невероятно. Приметив это место, я решил вернуться сюда на следующий день, чтобы собрать мяты для чая.

Хорошо летним деньком, сидя под раскидистой яблоней с наливающимися яблочками за простым деревянным столом, пить ароматный свежесваренный чай с мятой. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь густую листву, расцвечивают яркими бликами тёмные доски стола, на котором стоит старый закопчённый железный чайник с кипятком и пузатый, расписной керамический чайничек для заварки.

Вся прелесть в том и заключается, что чай приготовлен не на газовой или электрической плите, а на обыкновенной печке, стоящей на улице под навесом. Дымок от печи идёт особый, лёгкий, смолистый, не похожий на удушливую гарь лесного пала, не отдающий горьким привкусом пепла от сгоревшего человеческого жилища.

Заливаешь в заварочный чайник с листьями мяты кипяток, ждёшь минут пять и чудо – напиток готов. По округе тёплыми волнами разливается томный, сладковатый аромат мяты. Делаешь глоток и ощущаешь лёгкую горечь, чуть охлаждающую и бодрящую. Сразу проходит сковывающая тебя сонная одурь душного дня, улетучивается вялость, и будто молодеешь.

И вот с утра пораньше, пока не начался солнцепёк, прихватив с собой пакет и перочинный ножичек, я отправился на заветную полянку. Впереди меня, важно вышагивая и не громко гогоча, шествовала небольшая стайка гусей. Они шли мимо больших листьев бузины, с чёрными, как вороний глаз ягодками, ершистых чертополохов, украшенных маленькими розовыми коронами, весёлых, беззаботных ромашек и скромных цветков пастушьей сумки к реке.

Бурая корова, с большими грустными глазами подняв голову, и протяжно промычала вслед гусями стае, что-то обидное для них. Но, те не удостоили её даже малейшего внимания.

Подойдя к небольшому бугру, нависшему над водой, гуси, словно расшалившиеся детишки с громкими криками, бросились в реку, оставляя за собой мутный след. Окунувшись в воду, они утихли, с удивлением поглядывая друг на друга, недоумевая, мол, с чего, это мы братцы то, так расшумелись. Что бы добраться до полянки, мне нужно перейти на другой берег реки по неглубокому перекату. Закатываю брюки, снимаю сандалии, держа обувь в руках, вхожу в воду, широко раскинув руки, иду, балансируя, чтобы не поскользнуться на острых камнях. Первый шаг и холодная вода обжигает ноги, захватывает дух. Второй шаг даётся легче, вода уже не кажется жгучей. Мелкие волны, с лёгким журчанием, будто маленькими прохладными пальчиками, касаются ног, спешат дальше к далёкому синему морю.

Перейдя перекаат, сажусь на бревно у самой кромки воды. Нужно обуться, идти дальше. Но, почему - то не уже идти ни куда и не хочется.

Сажу и смотрю, как на мелководье, словно, мелкие соринки, шныряют стайки рыбьей молоди, то всплывая к самой поверхности, то исчезая в прохладной глубине.

Над ними, отражаясь в воде, изредка проплывают в голубом мареве пушистые облака, обласканные солнечными лучами, и исчезают за кронами старых, с грубой корой верб. Рядом с вербами стоят скромные, юные красавицы ивы. Наклонившись над рекой, они любуются своим отражением, тёплый ветерок нежно перебирает их зелёные косы.

Где-то скрытый в их листве, поёт соловей, старательно выводя благозвучные трели.

И так легко, беззаботно, словно нет ни каких проблем, горестей, только одна мысль заполняет душу: «Хорошо, то как, Господи!»

«СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК» В ТВОРЧЕСТВЕ

В данном выпуске газеты мы предлагаем читателю познакомиться с произведениями авторов, появившихся в литературном объединении «Северный огонёк» в 2021 году.

Александр Бронников

Уж близится к рассвету час,
В трактире, странном, одичалом,
Поведать я спешу рассказ,
Как водится, у нас, с начала.

Я мчался в поле, сани влёт,
Среди сверкающих деревьев,
Как вдруг, разверзлись небеса
И за клубились снежной пенью.

Кричу: «Гони, скорей, гони!»
И кучер мой свистает плетью.
А мир вокруг пропитан смертью,
И белым ядом напоён.

Но чур! В просвет седой метели,
Зажёгся свет и от того,
Кобылы в тройке захрипели,
И вынесли нас на него.

Пред нами дом, чуть светят окна,
Заходим: свет, тепло уют,
Но только пусто, одиноко,
И «ходики» молчат в углу.

«Кто здесь хозяин! Эй, почтенный!»
Хоть нет ответа мне, зову.
Лишь скрипнул пол и двери в сени,
Захлопнулись на ветру.

Ну, что ж, горячий ужин впору,
Мы сели ужинать в углу.
И разомлев от жара споро
Уснули тут же на полу.

Однако, сон мой был ужасен,
Я видел, как в вокруг меня,
Танцуют звери, люди, вещи
Выписывают кренделя.

Кабан с ухватом вместо рыла,
Утюг с хвостом шипит на стол,
Монах летает на детине,
Не прекращая давний спор.

И ужас! Сам я здесь у печки,
Гусиное жую перо,
И обмокнув в чернила кончик,
Оправдываю ремесло.

Ложатся строчки, ровным слоем
И каждый мой нажим, как звон
То сладострастный, то порочный
Девичий, нежный, манкий стон.

И не бумага под рукой,
Очиненный конец пера
Скользит по нежной коже девы,
По плавной линии бедра.

Отбросить прочь перо пытаюсь,
Чтобы дотронуться рукой,
Обнять, прижать, ласкать и гладить,
И вождедель, наперебой.

Как жадно мне хотелось слиться
С прекрасной нимфой на столе,
Но злополучный мех гусиный,
Вонзился страшно в руки мне.

И вот уже о двух я перьях,
По одному для разных рук,
Машу, срываясь в нетерпенье,
Как бьёт крылом рябой петух.

Проклятье на меня находит.
Уже не руки, а крыла.
И клёкот, хриплый и голодный,
Наружу рвётся изо рта.

Гляжусь в замедье самовара
И вижу ворон на столе,
А пальцы девичьи ласкают
Перо на птичьей голове.

Очнулся я с ужасным криком,
Прокаркав громко: «Nevermore*».
Вокруг, всё также сиротливо,
А на столе лежит перо.

Я взял его чтобы поведать,
Историю мою о том,
Как заблудился я в метели
И оказался за столом

Осталось только подписаться,
Но не собой, что за напасть?
Фамилия... пусть будет – Пушкин,
Чтоб мне без вести не пропасть!

*Nevermore (англ.) - никогда больше

Создать. Открыть. Дарю тебе
Мой голос, странный и тоскливый,
Он неприятен, сиротливый
Убог на фоне злобных дней.

Опустотелый мрак и тишь,
Гордоделивый час убогих,
Нипослаблений одиноких,
Замученных, отдавших всем.

Всем тем, кто жаждал испытать,
Какой он, вкус сакральной смерти,
Не поднимается, поверьте,
Исколотый штыком дикарь.

Пришли мучимых убивать,
Насиловать свою природу,
Какое горе? Век к исходу,
Невспоминаемый алтарь.

Давай, руби! Маяк во тьме,
Слеза на грудь, на шею петлю,
И Англетер душимый смертью,
Навеки мраком окрылён.

Марина Кондакова

Ошибка дятла

Отмахнув занавесок накидку,
Я на кухне окно открываю:
Небо синее, как на открытке!
Запах утренний летний вдыхаю...

Электрический столбик напротив
От ветров покосился устало.
Он и не был особо устойчив,
Хоть и был целиком из металла...

Вдруг я вижу чудесную птицу:
Ярко-красный наряд так и манит!
И на столб она сразу садится,
И давай по нему барабанить!

Это чудо сидит очень низко,
О железо свой клюв разбивая...
В первый раз вижу дятла так близко:
"Перестань, дурачок! Умоляю!"

Стихло всё. Обнаружив ошибку,
Он в раздумьях сидел, озираясь,
На лице моём вызвав улыбку...
А потом- улетел. Не прощаясь.

Летний цикл

У соседей вопят петухи,
И по небу бегут облака,
Дремлет пёс во дворе на цепи,
Солнце ласково греет бока.

Белый голубь красиво сидит
Сверху груды больших кирпичей,
Кот за дверью сердито басит,
Чтоб открыли ему поскорей.

В небесах тарахтит вертолёт,
И танцует от ветра листва.
А в ушах- Дитер Болен поёт,
Позитивные англослова...

Прогуляюсь. Дойду до ворот.
Завывает вдали квадроцикл,
И визгливо "болгарка" орёт-
Запускается летний цикл...

Кто помнит фильмы детские?
Мелодии красивые?
Они, как всё "советское",
Простые и счастливые.

Когда-то, вдохновлённые,
Мы любим их по-прежнему:
И Золушку влюблённую,
И трубадура нежного.

И музыкантов Бременских,
И песенку фонарщиков,
О свете ярком грезящих,
И танец поливальщиков...

Куплеты компанейские
Мы пели на всю улицу,
А песенки злодейские
Нас заставляли хмуриться...

Лилась каникул музыка,
В душе будя прекрасное.
Хоть не всегда на улице
Погода была ясная...

На уступе замшелой и древней скалы
У летящего вниз водопада
Как хозяин прекрасной,
но чуждой земли
Дом стоял со старинным фасадом.

И вельможа один в доме том проживал
(Ну, конечно, с прислугой и стражей)
Проезжающих мимо любезно встречал,
Окружённый красою пейзажа:

"Дорогие мои! Куда держите путь?
Заезжайте и будьте гостями!
Вас накормят, напоят, дадут отдохнуть!"
Дом уютно светился огнями...

Он казался своим, добротой сиял,
Только стражники чутко стояли:
И лишь гости входили, их сразу –
в подвал
И с жестокостью там избивали.

Отбирали добычу, доспехи, коней
И оружие- всё подчистую.
Превращали в рабов тех
несчастных людей,
Заставляли трудиться вручную:

Инструменты в руках- лишь тупая кирка
Кушать- только, что сами добудут...
За доверье слепое цена велика-
На свободе они уж не будут...

Но из рабства двоим удалось убежать,
В яму сточную прыгнув печально...
А потом- по подземной реке уплывать
И живыми остаться случайно...

Шли века... Тех, кто был там,
давно уже нету
Водопад у скалы напевает мне
песню об этом.

Нина Сергеева

Заваривай полынь, дурман-траву,
золой солёной посыпай снега.
Смотри! На стойбищах встают
олени в круг,
они несут декабрь на рогах.
Клубится белый пар из под копыт,
растёт на мордах иней бородой.
Декабрь летит, а снег уже подрыт,
и ягель стелется ажурный и густой.
Тропа нездешняя. Шамана вечный смех.
Чернеют льдом Обские берега.
Заваривай полынь и жди рассвет.
Повременим растапливать снега!

И каждый год случается февраль:
затишьем после судорог веселья,
безмолвием заснеженным в дверях,
наутро незаправленной постелью,
несмытым макижем ярких снов,
которые зовут не просыпаться,
тревогой, разрушением основ.
Без громких слов и ярких интонаций
февраль вещает. И его сигнал
звучит со всех моих радиостанций.

Февраль вещает. И его сигнал -
звеняще замороженная Морзе.
Февраль меня вчера надиктовал
одетой, как всегда, не по погоде,
бредущей мимо вывесок, витрин,
разрозненных видений и иллюзий.
Февраль меня, быть может, позабыл,
а может, доиграл как коду в блюзе.

И хочется, наверное, не зря
достать перо, хлебнуть чернил
и плакать.

Мы - точки под диктатом февраля
в его астрономическом диктанте.

В гостинице укрыты пустотой
развешанные в воздухе объятия,
забыто летом пахнущее платье,
забыт стакан, наполненный водой.
А за окном трепещут провода,
спят фонари, раскиданные наспех.
Какое, право, счастье понимать их.
Какое, к черту, "если" и "когда",
когда звенит гитарой подворотня,
когда живёшь не завтра, а сегодня,
когда мелькают кадры-города,
когда на перекрестке всех дорог
находишь блюз, здороваешься с чёртом,
а лямки рюкзака давно истёрты.
И ты - свой бог, и сам себе порог;
и ты - свой сон, и сам себе ответ,
и сам - географическая карта.
И больше нет ни офисов, ни парты,
запретов, слов, границ или стандартов;
есть только воздух с привкусом азарта,
и наспех выбраны вчера координаты,
и на груди на счастье амулет...

Дорожный знак. Бредущий силуэт.
Для тех, кто стал свободен - бога нет.
Для тех, кто стал богами - сухоцвет,
парад планет, вокзальный туалет,
затем буфет, закрытый на обед,
прогретый солнцем серый парапет,
и едкий дым дешевых сигарет,
и так за километром километр...

В гостинице объята тишиной
вчерашнее вино, немного сыра,
помятая постель и в ванной сыро.
И Путь дрожит натянутой струной...

Наш понедельник на краю земли
Рассерженно опять однообразен:
Здесь за окном – пионы расцвели,
Но у дверей – бесцельно куртуазен,
Отбитым носом щеголяет злой сатир.
Навязчивое баханье мортир

Мерещится в першении мотора.
И силлаботонический мотив
Петь в сцилло-харибдическом притоне
Мне надоело. Ломаным пером
Не написать ни слова в старом доме.
Остались невралгические боли,
Вчерашний чай, пейзажи в монохроме,
Школярские страдания поневоле,
Чужие роли да немый пол.

Даниэлла Бершанская

Городу

Бессонница, квадратные очи строк,
Портал открывается через око.
Я есть многолюдность старого города,
Говорят, что он сборище лишь порока,
Что мол с сумасшедших проку?

Чемоданы, квартиры, счета.
Простуда твоя, как простые дела.
Бытовые заботы, поиск работы,
В обратную сторону поезда.

И зиму твою с достоинством вынести,
И мусор из головы своей вымести
И тексты дарить новогодним вывескам
И не попробовать "изморозки".

Встречу здесь первые заморозки,
Приду домой будто потасканная,
Городом - холодным виновником,
Ставшим моим роковым любовником.

С Площади Мужества до Восстания,
Пешком оставляя воспоминания,
Забыв про тяжкие южные ночи,
за предназначением северным, прочим!

Вся набережная - твой почерк.
Портрет же на сердце - росчерк.
Я не убоюсь строчек
Когда прорисовывается лик.
Ребяческое признание в любви.
Городу, что воздвиг
Целующий Людовика
Целый миг.

Преданность

Преданность, это когда вразрез
со вселенной.
Сильнее скитаний меж веток редких...
До конца веришь в чью-то роль бес-
смысленно,
Хоть осужден, как грешник
за двоемыслие.

Даже если прописано мелким шрифтом
В титрах последнего модного фильма -
Нужно обязательно оставаться
стильным,
Будучи самой обычной пылью.

Ты судьей раньше был и вот напасть,
На скамье подсудимых взмолился
Богу...

А слепой, умудрившись сто раз упасть,
Зрячему показывает дорогу.

Если будешь идти, не забудь посмотреть на дно,
 Если будешь идти, не забудь взять с собой полотно.
 Разукрашенный дом будет стар, как заброшенный Рим
 Я тебя пересплю, перерою твой Аркаим

И забудь про игру, и забудь, что в стакане моем кисель,
 Разодетый старик сек по осени спины своих детей.
 За рассветом ждёт тьма, принесет нам с тобою тень,
 Что блаженна, как божий дар, в жар, когда все лень.

И на крюк не попасть, не сойдутся тугие швы.
 Проходи мимо нас и заботы здесь не ищи.
 Я по новой тропе обхожу холостой твой дом.
 И тебе завещаю все, что оставила здесь, потом.

Но мой лоб расцветет, и соленому морю быть!
 И маяк, что в том городе станет тебя хранить.
 Мы на линию горизонта встанем, как на канат,
 Уходить от того, кто разгневан, что виноват.

И в заключении выпуска, хотелось бы вновь, как в прошлом году, перечислить знаменитых писателей, рожденных в июне.

ЗНАМЕНИТОСТИ ИЮНЯ

6 июня 1799 года родился Александр Сергеевич Пушкин — русский поэт, драматург и прозаик. Ещё при жизни Пушкина сложилась его репутация величайшего национального русского поэта. Пушкин рассматривается как создатель современного русского литературного языка.

7 июня 1794 года родился Пётр Яковлевич Чаадаев — русский философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за свои сочинения, в которых резко критиковал действительность русской жизни. Его труды были запрещены к публикации в имперской России.

14 июня 1891 года родился Александр Мелентьевич Волков — русский советский писатель, драматург, переводчик. Большинству читателей имя Волкова известно по циклу «Волшебник Изумрудного города».

15 июня 1867 года родился Константин Дмитриевич Бальмонт — поэт-символист, переводчик, эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века. Опубликовал 35 поэтических сборников, 20 книг прозы, переводил с многих языков.

17 июня 1903 года родился Михаил Аркадьевич Светлов — русский советский поэт и драматург. Лауреат Ленинской премии.

20 июня 1932 года родился Роберт Иванович Рождественский — советский поэт, переводчик, лауреат Премии Ленинского комсомола и Государственной Премии СССР.

20 июня 1934 года родился Юрий Иосифович Визбор — советский автор-исполнитель песен, киноактёр, журналист, прозаик, сценарист, драматург, поэт, художник, один из основоположников жанра авторской песни, создатель жанра песни-репортажа, автор более чем 300 песен.

21 июня 1910 года родился Александр Трифонович Твардовский — советский писатель и поэт. Главный редактор журнала «Новый мир».

23 июня 1889 года родилась Анна Андреевна Ахматова - русская поэтесса, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века.

29 июня 1900 года родился Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери - французский писатель, поэт и профессиональный летчик.

(Картина Б.Щербакова «Разноцветье Донское»)

P.S. Редакция газеты очень рассчитывает на увеличении сотрудников, занятых в создании следующих выпусков газеты. А именно требуются: корреспонденты, дизайнеры, оформители, редакторы и все те, кто неравнодушен к литературе.